

АБСОЛЮТНОЕ ЗРЕНИЕ ДЛЯ КАЖДОГО ОРЕН- БУРЖЦА

Наталья Юрьевна Кожевникова родилась в Бузулуке, окончила Оренбургский государственный педагогический институт, работала главным хранителем фондов Бузулукского краеведческого музея, собственным корреспондентом, заместителем главного редактора газеты «Южный Урал». Главный редактор журнала «Гостиный Дворь». Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических книг, публикаций в журналах «Москва», «Наши современники», «Подъём», «Простор», «Дон» и др.; газете «День литературы», альманахе «День поэзии XXI век» (Москва). Лауреат премии журнала «Москва» (1993), Всероссийских литературных премий «Капитанская дочка» (1997), «Соколики русской земли» (2011), и.м. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2012), губернаторской премии «Оренбургская лира» (2015), региональной литературной премии и.м. П.И. Рычкова (2015).

«Абсолютное зрение для всех оренбуржцев» — такова мечта врачей из филиала МНТК «Микрохирургия глаза» им. Святослава Фёдорова, созданного в своё время в нашем городе, а именно более 30 лет тому назад академиком РАМТН и РАЕН, доктором медицинских наук, профессором Владимиром Николаевичем Канюковым. Конечно, сам он к этому шёл долгое время, но труд, упорство, помощь коллег помогли ему приблизиться к ней настолько, что слава о клинике, которую негласно до сих пор, несмотря на то, что её основатель ушёл из жизни несколько лет назад, зовут «канюковской», разнеслась по окружающим регионам, и число желающих получить «абсолютное» зрение увеличивается год за годом.

МЛАДШИЙ БРАТ СВОЕГО БРАТА

Отца Владимира Канюкова, начальника посудного цеха ликёро-водочного завода, мобилизовали

сразу после начала войны. Направили в Чкаловское кавалерийское училище, и уже в октябре 1941 года лейтенант Канюков, командир сабельного эскадрона, оказался на фронте. Там он узнал о том, что у него родился второй сын. А 25 мая 1942 года погиб, так и не увидев его в реальной жизни. Из семьи Канюковых ушли на фронт три человека, и все трое там и остались... Своё поколение Владимир Николаевич относил к детям войны и считал себя обязанным что-то сделать в память о тех миллионах погибших, которых, как написала одна поэтесса, «нам всегда недостаёт». Владимир, «младший брат своего брата» (есть такая классификация), приобрёл с годами соответствующие черты характера: он во что бы то ни стало старался обогнать того в учёбе, спорте, труде. Исполнилось 12 лет — начал регулярно выходить на улицу, обнажённый по пояс, делать 10 упражнений по 10 движений, обливаться холодной водой. Потом стал заниматься греблей на ялах: Урал тогда был довольно широкой и полноводной (до строительства Ириклинской ГРЭС) рекой, по которой из Оренбурга до Орска ходили пароход «Марина Гризодубова» и катера, таскавшие за собой «бычки» — баржи.

Однажды в сильный разлив вместе с друзьями он снимал с полузатопленных домов людей — катера там не проходили, а ялы, четырёх- или шестивёсельные шлюпки свободно пробирались.

Кроме того, занимался боксом и к 18 годам был уже несколько раз чемпионом города и области, а в 1961 году стал чемпионом и обладателем приза за лучшую технику на молодёжном первенстве России.

Мне было интересно узнать, как же он выбрал профессию врача.

— На моих глазах от рака умер дед. Я видел его страдания в течение длительного времени и очень хотел ему помочь. А потом мы ведь в семье были все рукодельи, — ответил Владимир Николаевич, — мать хорошо вышивала, вела кружок в областном Доме офицеров. Брат — замечательный слесарь на аппаратном заводе, мы все неплохо рисовали. И это помогло мне потом, когда я начал делать операции. Правда, до института пришлось поработать и слесарем, и токарем.

В ОПЕРАЦИОННУЮ – С АВТОМАТОМ

После окончания медицинского института Канюков был направлен на работу в Курган. Поехал он туда уже с женой.

— Встретились мы с Галиной совершенно случайно, в Мастерском переулке, где я жил. С танцев вечером уже шли вместе. Три года женихались, а потом поженились. В Кургане нам дали квартиру с видом на Тобол. Работа, учёба в аспирантуре, воспитание сына и дочери занимали всё время. И вдруг предложение поработать

за границей. Был выбор: Куба или Афганистан.

«Конечно, Куба, — решили супруги. — Море, экзотика». Но получилось так, что пришлось поехать в Кабул. Это был 1978 год. Обязательное условие — ехать с женой. Сына оставили в Союзе, а полуторагодовалую дочку взяли с собой. А через год там начались боевые действия...

— В Кабуле через два дня мне выдали пистолет Макарова, я потом сменял его на «ТТ» — его удобнее было засовывать за пояс, а сверху прикрывать рубашкой, там все так ходили. Через месяц дали автомат. В госпиталь — под охраной, автомат стоял в операционной. Я считался военным консультантом по офтальмологии центрального военного госпиталя Министерства обороны Демократической Республики Афганистан. За два года сделал там 734 операции. Пациенты поступали с разными ранениями, порой очень страшными. Такая вот была грандиозная практика и такое же самоутверждение. Я знал, что, кроме меня, никто таких операций сделать не сможет. До этого там работал хирург, уже пожилой человек, участник Великой Отечественной войны. Руки у него были уже не те. А тут однажды привезли нашего лейтенанта, у которого пуля прошла через глаз и ударила по второму. Он практически не видел. Хирург делать операцию не взялся. Я убрал остатки одного глаза, вытащил пулю, раненый пролежал у нас в

госпитале три месяца, зрение вернули ему процентов на семь. Но и то хорошо! Там же я сделал впервые пересадку роговой оболочки. Работал вместе с главным хирургом, полковником Э.А. Нечаевым, в последующем министром здравоохранения СССР. Меня там сразу же избрали секретарём парторганизации. Не знаю, как кто к этому сегодня относится, но у меня на всю жизнь осталась гордость: я был комиссаром на войне...

Как афганцы к нам относились? Сначала подхалимски, а потом с откровенной неприязнью. Они хитрые ребята были, и мы все об этом знали. Поэтому всюду ходили с охраной или оружием. К счастью, ни разу не пришлось его применить, иначе разъярённая толпа могла бы нас разорвать.

Провокаций было много. Однажды на кабульском рынке мы с женой покупали посуду из опала. Она до сих пор у нас хранится. Несём её в автобус, смотрим — улица опустела. Оказалось, что, пока мы торговались, тяжело ранили выстрелами в спину двух наших коллег, тоже мужа и жену. Галина Дмитриевна с Юлей дважды попадали под эвакуацию: ослонялась политическая обстановка. Запомнил на всю жизнь, как стоял с автоматом в оцеплении на аэродроме, когда их отправляли. Мы уже не доверяли афганской охране.

Самое тяжёлое было отправлять на родину «чёрные тольпаны» с телами наших погибших

солдат. Об этом в Союзе тогда никто не знал. И мне понятны сегодня обиды и боль ветеранов Великой Отечественной войны, которых тоже многих «замолчали». Да я и сам положенного ордена не получил, наградили восьмью грамотами, четыре из которых — афганские.

ДОГОНЯЙ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

Свою жизнь Владимир Николаевич делил на два периода: дофёдоровский и фёдоровский. В первом у него были Оренбург, институт, Кабул. Потом опять институт, защита диссертации под руководством заведующего кафедрой Л.Ф. Линника, своего учителя, которого в 1979 году Фёдоров пригласил в Москву своим заместителем по научной работе.

Со Святославом Николаевичем Каниюков познакомился ещё раньше: на одной из научных конференций он выступал с докладом и после подошёл к профессору узнать его мнение. «Всё хорошо», — сказал Фёдоров и начал советовать, что надо бы сделать ещё. Один из коллег, стоявших рядом, усмехнулся:

— Не боитесь делиться опытом?

— Нет, пускай догоняет, если сможет.

— А если перегонит?

— Но мы тоже не сидим на месте.

И Каниюков бросился догонять. 12 апреля 1988 года он был назначен директором строящегося Оренбургского филиала ГУ МНТК «Микрохирургия глаза». В общем-то, был вырыт только один котлован. В августе приехали строители — финны, и к 15 апреля следующего года они были уже готовы сдать весь корпус.

Что и говорить, фирма «Полар» применяла такие строительные технологии, которых в Оренбурге и не видывали. Стеновые панели, сантехкабины поступали на объект завёрнутыми в полиэтиленовую плёнку... Была назначена государственная комиссия по приёму здания. И тут случилось неожиданное: Каниюков не подписал акт и сделал более 300 замечаний. Финны были в шоке. Так с ними ещё никто не поступал.

— Они меня чуть ли не вслух дураком обзывали, — рассказывал Владимир Николаевич. — А я отвечал: «Мне тут работать». Стали жаловаться во все инстанции, но я упёрся: «Пока не исправите, не подпишу». Не лучшим образом повели себя и наши чиновники, стали меня обвинять в том, что я раздуваю чуть ли не международный скандал. Наконец, вызвали меня в обком, к третьему секретарю В.Ф. Голубничему. Тот послушал тех, меня, подумал, а потом отрезал: «Мы перед финнами на коленях не стояли и стоять не будем. Идите, продолжайте работать». В итоге доделали всё, что нужно, построили дополнительно

сауну, конференц-зал, оставили достаточно большой запас оборудования и строительных материалов. До сих пор у нас всё как новенькое стоит.

Понятно, что качество работы финской компании было отменное, но порядок в «Микрохирургии глаза» — это в основном заслуга директора. Будь на его месте человек с более мягким характером, филиал скоро превратился бы в одно из захудалых муниципальных учреждений, где всё рушится, крошится, ворует. Было дело, больные и здесь пробовали откручивать смесители и краны, регуляторы с батареей, ручки. Так что постоянный косметический ремонт нужен.

Но главной проблемой Канюков тогда считал техническое переоснащение клиники. Несмотря на то, что она обладала лучшими тогда в округе операционными микроскопами и другим оборудованием, стоять на месте было нельзя. В мире всё время появляются другие уникальные приборы.

— Святослав Николаевич учил нас всегда быть впереди всех, — вспоминал Канюков.

АВТОРИТАРНОСТЬ — ПЛОХО ЭТО ИЛИ ХОРОШО?

Канюков не скрывал, что он жёсткий авторитарный руководитель. «Бояться вас?» — как-то напрямую спросила я его.

— Не знаю, — пожал плечами профессор. — Но стоит только

дать слабинку — что будет? Считаю, что командир должен быть один. Из Кабула я привёз два постулата: командир силен своими подчинёнными, и надо стараться не осуждать других до тех пор, пока сам не сделаешь лучше. Этим и руководствуюсь. Врачи у нас очень опытные, делают около ста видов операций, почти все имеют высшую или первую категорию, отмечены почётными грамотами Министерства здравоохранения. Зарплата у нас намного выше, чем в других лечебных учреждениях. Есть свой пансионат, служба сервиса. Но и спрос с них большой. Я всё время помню одну из своих первых пациенток, которой удалял катаракту. Сделал в пятницу, а ни в субботу, ни в воскресенье к ней не зашёл посмотреть. Получил нагоняй, всё понял. И с тех пор каждого своего больного не оставляю без внимания и других заставляю делать так же.

Владимир Николаевич с удовольствием рассказал ещё об одной пациентке с редким именем Венера: «Ну, такая была страшенькая, косоглазая, не очки — бинокли, зрение около 10 процентов. И всё время плакала. Мы ей несколько операций сделали, последние — уже бесплатно. Кураж у нас появился: сделаем из Золушки принцессу. И сделали. Восстановили зрение до 60-80 процентов, убрали косоглазие. И уехала девушка домой счастливая... И без очков».

— Если бы мы, как вначале, получали бы 100-процентное

бюджетное финансирование, — сетовал Владимир Николаевич, — все операции для населения были бы бесплатные.

Была у Канюкова одна инициатива: проехать со своими коллегами по сельским районам области. Скольким бы сельчанам можно было помочь! И что интересно, он это сделал — и не раз.

Будучи депутатом областного Законодательного собрания, он хорошо знал нелёгкую жизнь сельской глубинки. Разработанные в филиале так называемые мобильные структуры можно было развернуть в любом месте: районной поликлинике, глазном отделении больницы, на худой конец в детском саду или школе. Врачи привозили с собой на двух «ГАЗелях» 450-килограммовый микроскоп, операционный стол и кресло, ультразвуковую и лазерную аппаратуру. И делали на местах те же самые операции, что и у себя в филиале.

В Первомайском районе вообще провели уникальную операцию при помощи лазерного луча. Особых волнений на лицах профессора и его заместителя по лечебной работе, «главного катарального хирурга» в области Алексея Горбунова я не заметила, оба были спокойны и деловиты. Оперировали 70-летнюю пенсионерку из посёлка Луч, она в последнее время почти ничего не видела. Зрение у неё восстановилось практически сразу...

— Зачем смотреть на мир через мутное стекло? — сказал мне тогда

Алексей Александрович. — Катакты — это помутнение хрусталика, со временем зрение может упасть совсем. Она может быть в любом возрасте, даже у шестимесячных малышей. Радость людей, обретших зрение после долгих лет слепоты, описать словами невозможно. Кто-то смотрит в зеркало и здоровается с изображением, не узнавая сам себя, кто-то плачет, увидев в небе звёзды: «Я их не видел с сорок пятого года»!

А ещё Канюков каждый вторник принимал на консультацию по пять человек из общества слепых. С лёгкой руки профессора в Оренбурге стал проводиться фестиваль «Слепой музыкант». А ещё он успевал заниматься со студентами медико-биофизического факультета, который он сам же и открыл в Оренбургском государственном университете. Немного мне тогда похвастался — у меня сейчас там внук уже учится...

— Жёсткий, авторитарный, а ещё какой? — спрашивала я у коллег Владимира Николаевича.

— Требовательный по отношению к себе и другим. Целеустремлённости и работоспособности его позавидуют и молодые, — отмечали они. — А ещё он весёлый человек, с большим чувством юмора. Он же всё время шутит, вы не замечали?

Ну, конечно, замечала. И ощущала, что с ним очень легко, что он прост в общении со всеми, кто заходит к нему в кабинет, будь это коллега, итальянский инженер,

приехавший к нему на консультацию, или пациент из далёкого села. Я бы назвала его человеком, помнящим о чести и славе, о своих учителях, о своём никогда не виденном отце, о своих детях и учениках. Претворят ли они в жизнь его мечту — дать абсолютное зрение всем оренбуржцам? Будем надеяться.

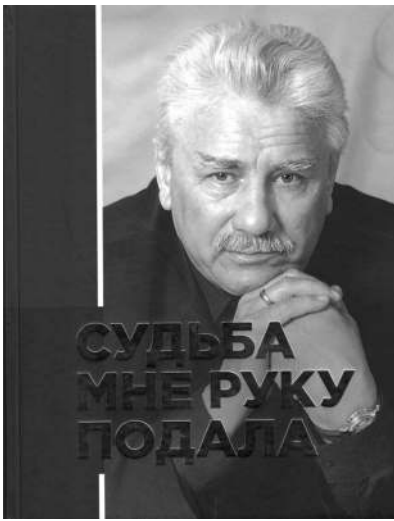
2000-2021 гг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Недавно я получила от дочери Владимира Николаевича — Юлии Владимировны, тоже офтальмолога, кандидата медицинских наук — драгоценный подарок: книгу «Судьба мне руку подала», которую она выпустила к 80-летию отца. В ней собраны его воспоминания, стихи и рисунки, рассказы о нём коллег, друзей и родных. Да, он неплохо рисовал и даже издал около 20 сборников стихов. В книге много замечательных фотографий, «отблесков судьбы» из архива прекрасного друга и соратника Валерия Георгиевича Плигина. Один из тех, кто помогал готовить книгу к печати, Александр Владимирович Митаревский, строитель, ценитель живописи, посвятивший своему другу немало стихотворных строк, написал однажды:

*«В нём сочетаются учёный
и поэт,
Мудрец и хулиган плетут
интриги,
Он многогранный, спору нет,
Уверен: про него ещё напишут
книги!»*

Человек-вулкан, защитник, умница, красавец, яркая личность, выдающийся учёный, генератор научных идей, непререкаемый авторитет, «страшно добрый профессор», «мощный русский мужик», друг, учитель, наставник — отзывы самых разных людей о нём поражают. К сожалению, в клинике, которую он построил с нуля и руководил ею в течение 28 лет, я не увидела ни одного портрета доктора Канюкова. А он достоин большего... Правда, мне рассказали, что есть проект памятника — трёхфигурной композиции со скульптурными изображениями Святослава Фёдорова, Леонида Линника и Владимира Канюкова, который предполагается установить на территории клиники. Нынешний директор филиала МНТК, доктор медицинских наук, профессор Александр Дмитриевич Чупров, вспоминая Владимира Николаевича, сказал: «Это был человек с высочайшим чувством ответственности. И я увидел в нём практически армейский подход. Владимир Николаевич служил офтальмологии и народу — так, как сам это понимал, без поблажек самому себе. Это, конечно, достойно уважения и подражания».

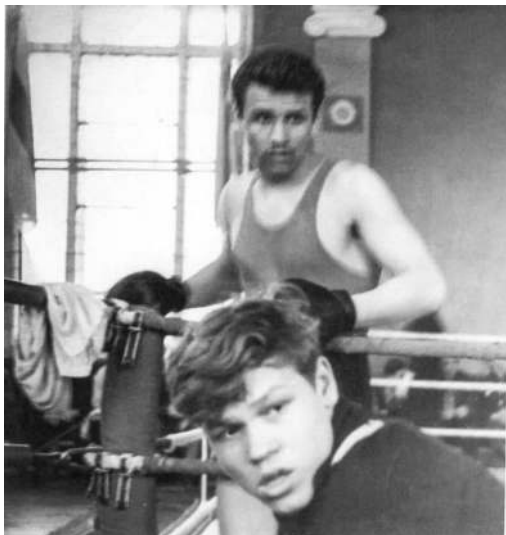
Клавдия Александровна Канюкова с братом Михаилом, сестрой Ольгой и детьми Славой и Володей, 40-е годы

Молодая чета Канюковых, 1962 год

Владимир и Галина Канюковы с первенцем Игорем, 1963 год

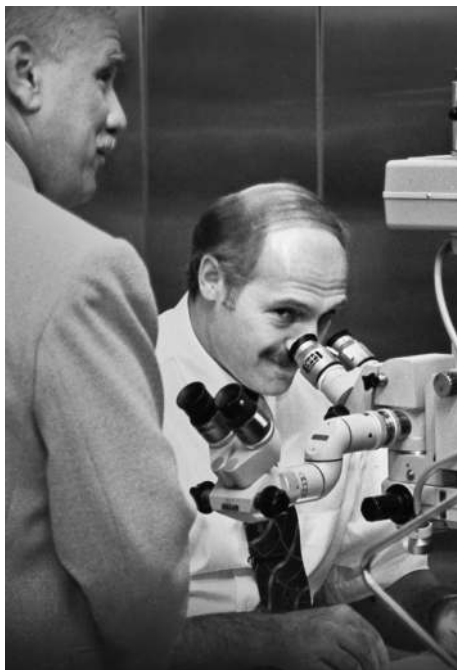
В углу ринга В.Н. Канюков, секундант
В.Зинченко, 1960 год

Кабул, 1978 год

С.Н. Фёдоров на одной из встреч в Оренбурге

С Александром Григорьевичем Лукашенко
(фото В.Б. Соколова)

Потоп в операционной. Орск, 2007 год

В операционной два Владимира — внук и дед

С другом А.В. Митаревским

Одна из любимых собак – алабай Унычар

С дочерью Юлией Владимировной и внуком

С актёром Георгием Мартыноком, 2009 год